

Воронежский театр драмы имени А. В. Кольцова идет на встречу своему 175-летию. Публикацией очерка критика и искусствоведа З. Анчиполовского «Век минувший и век нынешний» редакция «Коммуны» начинает рассказ о творческом пути театра.

ВЕК МИНУВШИЙ И ВЕК НЫНЕШНИЙ

В самом начале прошлого века в типографии Воронежского губернского правления была напечатана пьеса драматурга Андрея Элина. Под ее заглавием значилось: «Представлена в Москве 1795 года. Вновь исправлена и представлена в первый раз на Воронежском публичном театре ноября 13 дня 1802 года».

От этой даты, хотя и взятой несколько произвольно (потому что театр в Воронеже был «заведен» еще в 1787 году), стали потом отсчитывать его возраст. И в этом есть свой резон, ибо незадолго до представления воронежским зрителям пьесы Элина в судьбе театра произошла важная перемена. Существовавший уже довольно долго как «благородный», т. е. полулюбительский, предназначенный в основном для губернских дворян и чиновников, он теперь распахнул двери перед людьми всех званий и сословий, стал «публичным», как говорили в ту пору. И на сцене его выступали уже не молодые люди «из общества благородных» под руководством вице-губернатора и главного исполнителя трагических ролей Р. И. Ухтомского. На ней обосновалась труппа профессиональных актеров, которая показала воронежцам сначала популярную комическую оперу А. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват», а потом еще много других спектаклей, поразивших воображение тогда еще не искушенных зрителей.

Об этой далекой, полубогемной поре в истории театра принято рассказывать курьезы. О том, что надпись на занавесе «От слез и смеха польза» толковалась как «от слез и смеха будут ползать». И о том, что лес или хоромы, появлявшиеся вдруг на спектакле в хорошо известном горожанам здании (где отродясь никто такого не видел), побуждали скептиков утверждать, будто «комедiantы людей морочат и глаза отводят». Особенно много рассказов сохранилось о злополучном содержателе первой воронежской труппы Петрове, который, обьявив пьесу «Побег от долгов», тайно скрылся, сорвав представление и оставив ни с чем своих многочисленных кредиторов...

Все это и в самом деле интересно и по-своему характеризует театральную жизнь начала прошлого века. Да и не только начала! Вплоть до середины столетия бедолаг-антрепренеры, не сводя концы с концами, порой совершали такие «побеги от долгов» — слишком малы были города и немногочисленны зрители, чтобы раз или два в неделю хоть наполовину заполнить зрительный зал. А без этого наступал неминуемый крах. И неизбежно было существование убогих, неумелых трупп, часто лишь компрометирующих высокое призвание искусства.

Но и в таких условиях провинциальный театр нередко выдвигал из своей среды крупных актеров, замечательных деятелей. Он осуществлял великое гражданское, нравственное и эстетическое предназначение, был кафедрой, трибуной, с которой возвещались передовые идеи времени, возвышенные принципы, благодарные помыслы.

Театр в Воронеже знал разные времена. То он вел унылое существование, столь характерное для множества незадавшихся провинциальных антреприз, то переживал периоды взлета или устойчивой художественной жизни достаточно высокого уровня. Но примечательно, что его деятельность (в отличие от большинства других театров в провинции) не прерывалась на сколько-нибудь длительный срок. И уже в первой половине XIX века целый ряд актерских трупп, выступавших на его сцене, вызвал общественный резонанс, воспитывал страстных приверженцев провинциальной Мельпомены.

«Зрительский опыт», приобретенный в Воронеже на спектаклях, которые давал содержатель театра П. А. Соколов, был важной частью того духовного багажа, с которым Николай Станкевич вступил на путь философских и художественных исканий в московский период своей жизни. Те же спектакли пробудили в юном Кольцове пылкую любовь к сценическому искусству, которая не покидала его всю жизнь.

Немало прославленных актерских имен украшало афи-

шу, что поутру в день спектакля вывешивали у входа в хорошо знакомое всем нам театральное здание. В нем играла знаменитая некогда Любовь Ивановна Млотковская (1829

и 1839 гг.), а позже (в 1840 и 1851 гг.) — вечный странник русской сцены Николай Хрисанфович Рыбаков (тот самый, о котором А. Н. Островский скажет потом устами Несчастливцева в комедии «Лес»: «Сам Николай Хрисанфич...»). Здесь дважды гастролировал (в 1837 и 1850 гг.) гениальный М. С. Щепкин и трижды (в 1840, 1846 и 1848 гг.) величайший романтический актер П. С. Мочалов. Выступления Мочалова в 1848 году на сцене театра, что носит теперь имя Алексея Кольцова, были последними в его жизни: возвращаясь в Москву, он простудился, заболел и вскоре умер, никогда больше не увидев света ramпы.

Гастроли великих артистов давали мощный импульс развитию сценического искусства. Они содействовали процессу демократизации провинциального театра, происходившего в 50—60-е годы. Со сцены начали исчезать королевские дворцы и княжеские палаты, сказочные пейзажи экзотических стран и таинственные руины средневековых замков. Их место занимали мещанские домики городских окраин, купеческие лавки, крестьянские избы — знакомые картины национальной жизни тех лет. И не выпендривший трагический герой, с незапамятных времен царивший на русской сцене, а характерный актер, умеющий ярко передать психологическое и социальное своеобразие человека из народа, занимает главное место на театральном подмостках.

Великолепная труппа, игравшая тогда в Воронеже (Н. В. Коллюбакин, А. М. Максимов, Е. О. Петров, Л. К. Шмитгоф, А. Н. Мочалова), восприняла ведущие тенденции искусства этой эпохи и старалась содействовать их развитию. Она пропагандировала драматургию А. Н. Островского (более всего содействовавшую обновлению театра) и принципы сценического реализма. Искусство П. М. Садовского и М. С. Щепкина было для нее путеводной звездой, творческим ориентиром. Постепенно театр становился трибуной передовой интеллигенции города. Его спектакли вызвали споры в газетах и журналах. Его настаива-

ли цензурные запреты, и это тоже было актом признания общественной роли местной сцены. Воронежский театр выдвигается в числе лучших театров русской провинции.

И в последующую пору сценическая жизнь города протекала довольно активно, хотя активность эта проявлялась нередко в шумном успехе третьесортной драматургии и многочисленных опереточных представлений, на какое-то время буквально заповоливших всю русскую сцену. Но в Воронеже, как и прежде, обосновались сильные труппы: П. П. Синельникова, П. П. Струйского, В. В. Никулина. И на подмостках старого театрального здания (и до его коренной перестройки в 1886 году и после нее) с триумфом выступали приезжие знаменитости. Иногда свои провинциальные — В. П. Далматов, В. Н. Андреев-Бурлак, П. Н. Орденев, бр. Адельгейм, Мамонт Дальский. Иногда — столичные звезды: М. Н. Ермолова, Г. П. Федотова, М. Г. Савина, В. П. Давыдов, В. Ф. Комиссаржевская. Особенно памяты были гастроли Ермоловой: на ее спектаклях воронежцы пережили настоящее потрясение.

Таинственный мир театра пробуждал не только преданность искусству. Он вел по пути борьбы за революционные идеалы. Постановка в 1905 году пьес Горького «Дачники», «Дети солнца» становилась событием не только художественным, но и общественным, потому что само время — гневное, негодующее — подсказывало писателю проблемы и образы. А мятежная драма Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» стала поводом для бурной политической манифестации. Спектакль прерывался криком «Марсельезы», хлопками и выкриками, поддерживающими любую реплику, даже слово, если они могли быть истолкованы как призыв к борьбе. Наутро губернатор предупредил антрепренера Струйского, что в случае повторения чего-либо подобного театр будет закрыт...

После этого памятного эпизода прошло двенадцать лет, и не стало запретных слов и запретных песен. Революция сметала препоны, стоящие перед человеком, искусством, обществом. В том самом зале, где демонстрация свободоблюбия, угрожала когда-то существованию театра, состоялся митинг учащихся. «Марсельеза» сотрясала стены, и это только радовало, потому что старыми словами юность давала клятву верности новой жизни. Песня «Вы жертвою пали» напоминала о величии подвига, а «Дубинушка» — о трудовом народе, во имя которого он совершался.

З. АНЧИПоловский.